

Напет
Кучак

А. РИТОВ

891.99

16468

к-95

Курсант Хаантун

Сүм ихойн баруунд

11

20.11

00

ՀԱՅ ԴՈՒԶԻԱ

ՆԱՀԱԳԵՏ ԶՈՒԶԱԿ

ԲԱՆԱՍՏԵՂԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

Թարգմանեց
Ա. ՍՏԵՓԻՆՅՆ
Խմբագրութիւնը
Գ. ԱՆՏՈՒՈՂՍԿՈՒ

ՀԱՅ Դ Ե Տ Ն Ր Ա Տ

Ե Ր Ե Վ Ա Ն

1941

891.99

к-95

АРМЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ

✓

НААПЕТ КУЧАК

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод

АЛ. СТЕПАНЭ

Под редакцией

П. АНТОКОЛЬСКОГО

16468

12 / 1084

АРМГИЗ

ЕРЕВАН

1941

1961

Н А А П Е Т К У Ч А К

Эпоха возрождения армянской средневековой литературы открывается творчеством великого поэта X века Григора Нарекаци. Григор Нарекаци был первым, отделившим поэзию от церковного богослужения и церковной проповеди. Обильно черпая из народной поэзии, Нарекаци внес в армянскую лирику светское содержание.

Однако, он, как и все жившие после него до XIII века поэты, еще писал на древне-армянском, книжном языке (грабар). Народный разговорный язык стал употребляться в армянской лирике лишь с XIII в., со второго периода возрождения. Первыми, писавшими на народном языке были поэты Фрик и Констандин Ерзнкаци. Блестящим представителем средневековой светской армянской лирики является Наапет Кучак, живший в XVI в.

Уроженец близлежащего к Вану села Хароконис, Наапет Кучак был светским человеком (мирянинном). О Кучаке до нас дошли—один письменный документ и несколько преданий, сохранившихся и до наших дней среди его односельчан. Письменный документ, в котором говорится о великом поэте, принадлежит внуку поэта, тоже поэту.

Эта книга—рукописное евангелие с дневником. В дневнике читаем:

„Вспомните Кучака и сожителей его. Вспомните еще Кучака и прадеда его, мастера Наапета, которого прозывали ацуг Кучак..“ Как видим из этого маленького сообщения, Кучак еще в свое время получил прозвание „мастера“ (варпет). Из сохранившихся среди его односельчан

преданий мы узнаем, что Кучак был весьма прославленным и любимым ашугом.

Почти все дошедшие до нас стихотворения Кучака написаны четверостишием. Как по форме, так и своим содержанием они очень близки произведениям устного народного творчества того же жанра.

Широко пользуясь данными народной поэзии, Кучак создал оригинальные и высоко ценные произведения.

Четверостишия Кучака по их мотивам можно разбить на три вида.

Большая часть четверостиший относится к любовным песням, следующее место принадлежит четверостишиям философского характера и затем идут четверостишия, рисующие жизнь странника на чужбине.

Кучак, как певец любви, непревзойден. Никто до Кучака еще не изобразил волнение любви так ярко и многообразно, как это сделал он. Уступает Кучаку в этом отношении даже и Хафиз, если не глубиной, то колоритом и многообразием выразительных образов.

Любовь для Кучака—высшее из наслаждений.

— „В мирах найдется едва-ль плод сладостнее любви.“

Ему кажется, что он первый познал это чувство, и что из его именно сердца разлилось это чувство по всему миру.

— „В начале любовь съитель в сердце ждем наша;

Покинула сердце, вдаль—по странам земным пошла.“

Время, в которое жил Кучак, было полно неисчислимых бедствий для армянского народа; на территории тогдашней Армениии происходили непрерывные войны между двумя крупными деспотическими странами XVI в.—Турцией и Персией.

Но Кучак,—несмотря на эти условия жизни,—оптимист. Именно в своих любовных стихах Кучак выразил надежды армянского народа на счастливое будущее, показал его жизнерадостность. Этими же своими любовными песнями

Кучак стал в оппозицию к современной ему феодальной действительности. Кучак—гуманист. В противовес церковной морали, отрицающей телесное и любовь, ценность реальной жизни, Кучак с большим настроением воспеваеt земную любовь и женскую красату. Он этим хочет сказать, что счастливую жизнь можно создать в этом мире. Это равносильно с его стороны отрицанию загробной жизни и потустороннего мира.

Во многих из своих четверостиший Кучак чувство любви безбоязненно противопоставляет церковно-религиозным верованиям.

Так, он поет:

—С тех пор, как мать родила, священника не знал,
Где только видел его—сторонкой путь оибал,
Красавицу иде встречал—объятия раскрывал,
Алтарь жой—женская тудь, с мольбой к ней припадал.

Кучак—крупный реалист. В отличие от своих предшественников, Кучак, воспевая предмет любви—женщину, описывает не только ее внешность, но наделяет ее и внутренними переживаниями. Женщина у Кучака—действующее лицо,—в конкретной бытовой обстановке, которая по всем признакам является трудовой. Женщина у Кучака не стесняется мужчины, не избегает его, говорит о своих чувствах, принимает или отвергает любовь мужчины и довольно самостоятельна и смела. Именно поэтому поэзия Кучака богата нежными и тонкими образами и внутренним драматизмом.

Интересную психологию взаимных отношений между двумя влюбленными рисует Кучак в следующих стихах:

—„На кровле спишь земляной, и звезд зажигаешь рой,
Пусти меня с собой, а нет—отпусти домой!
—Тебе не уснуть со мной, и в дом не уйти родной,
Так в трепете жди, пока не вспыхнут лучи с зарей.“

Несомненно, глубоко ошибаются все, кто приписывает Кучаку „восточный взгляд“ на женщину. Неверно это. Кучак-гуманист, как представитель народа—сторонник равноправия женщины с мужчиной и свободы ее в выборе предмета любви, он сторонник любви бескорыстной.

—„Вчера, словно вьюк, везли девицу, в полдневный зной;
Чем: силою увели? Приманкою золстой?
Когда за деньги любовь—в стихии сжечь огневой!
За яблоко быть любви, да за леденец простой.“

Для изображения любви, этого высшего из наслаждений, Кучак не жалеет красок. Яркими, прекрасными цветами рисует он силу женской красоты, очарования, передает все нюансы, достигает великолепной гармонии.

„О, месяц ты мой высокий! Что бродишь во тьме ночей?
В оконца глядишь на спящих красавиц земли моей;—
Растенута прорезь платьев, лучи коснулись тудей
И, ввысь отраженным светом,—залит блеск звездных
оней!“

Кажется, что человеческое воображение не в силах стыскать более красивые образы для изображения женской красоты. Кучак обладает неисчерпаемым источником поэтических образов. Он не повторяется. Его сравнения всегда живые и оригинальные. Вот один из них.

—„Ты—перстень чеканный, я—что камень на нем простой,
Ты—травка у родника, блещу тебе росой;
Ты—яблони плод, я—листочек зеленый твой;
Страшуся, тебя сорвут, увяну порою той.“

Здесь каждая строка сама по себе, мастерски списывая всю тонкость и нежность чувства к возлюбленной, является изумительным картинным сравнением.

Гуманизм и дежсфатизм Кучака выпукло выражены также в его поучительных четверостишиях и в четверостишиях, рисующих жизнь карибов, скитальцев. С глубокой скорбью

говорит Кучак о скитальцах из трудового народа, оторванных от родины и терпящих мучения на чужбине.

„—Лью слезы в чужой стране... Забуду-ль когда нибудь?!
Я долго здесь прожил; вновь продолжу свой скорбный
путь,

Бог знает, каким путем пойду, чтоб вольней вздохнуть;
Кто даст утешенье, к чьей могиле прижму я грудь?
Весь день я—стрела, гляжу, куда захотят метнуть,
А ночью я—лук, спешу, ослаблен, к земле прильнуть.“

Здесь сжато, но очень характерно изображен весь трагизм полной горечи неустойчивой жизни странника.

В каждом из поучительных (дидактических) четверостиший Кучака, наподобие Омара Хайяма, мастерски выражена определенная идея. Эти четверостишия прежде всего имеют антирелигиозный характер. Проповедуя культ земной жизни, Кучак высмеивал идею заробного мира. В одном из четверостиший поэт спрашивает—за кем идти? голосу тела или голосу души последовать? и тут же иронизирует—кто последует за душой? она так далеко обитает!

Будучи последовательным противником феодального строя и средневекового христианского мракобесия, Кучак в ряде своих четверостиший воспевае культ честного, благородного труда и науки, говорит о пользе, приносимой наукой. Поэт любит труд и призывает к тому же и других. Он всем советует любить науку и быть в дружбе с учеными, ибо ученый—как вода; с его появлением, как от воды, все оживает.

„Внемли поученью, пусть твой разум его хранит!
— С невеждой не спорь, другим пусть блага свои
сулит,

Кого ни коснется он, как пламя—испепелит.
Где мудрости бьет родник, там травы земля родит“.

Все свои четверостишия Кучак пишет размером называемым „хайрен“ —(в строке имеется пятнадцать слогов). Кучак мастерски владеет этим видом стиха.

Творения Кучака—лучшая жемчужина армянской средневековой поэзии. Творчество Кучака оставило глубокий след в армянской лирике. Такие крупные поэты нового времени как Иоаннес Иоаннисиан, Ованес Туманян, Аветик Исаакян и др. любили Кучака и многому научились у него. Несомненно, весьма поучительно творчество Кучака и для наших советских поэтов.

М. МКРЯН

В мирах найдется едва-ль плод сладожнее любви.—
В сравнении с нею миндаля ты горечью назови,
Вкусил я и горечь... Мною владеют чары твои,
Я пленник. Дай мне любовь. Усладу сердцу яви!

* * *

О ветвь айвы! Для любви поры иной не пайти!
Но злые шипы тебя опутали, не пройти!
Опутавшей вопреки — явлюсь бровей во плоти
Сорву я цветок, хотя-б всей кровью мне изойти.

* * *

Ты, помнишь, хвалилась так: „Вся кровь для тебя цветет!“
Чьи, скажи, слова повторял твой рот?
Досадно и стыдно мне, — другой красоту возьмет.
И голову лишь нагнув к целованному прильнет...

* * *

Я спал. Но внутренний слух не дремлет. Донесся крик,
То птица любви звала, и в сердце голос проник;
Я знаю, то нежной яр,* совсем не птичий, язык;
Кто жалобу ей поведал? Кто сердце мое постиг?

* * *

Как быть мне, когда гляжу, но облик не ясен твой?
Как сердце унять, когда ты не говоришь со мной?
Я плачу, а ты: „люблю, но жди до поры иной...“
Доколь ожиданья мрак? Вся грудь прожжена тоской!

* * *

Откуда пришла ко мне, любовью своей обняв?
Огнем подыхала плоть, огнем твой обжег рукав.
Из золотой из любви, мой пламень на это взяв,
Сковала кольцо... ушла, сердце мое запаяв.

* * *

Явила мне огненный лик и к свету меня звала;
Лишь в море твое вошел—пожар волной залила;
Так это и радость вся, что мне надеждой была?
К чему-же посланье, если силу рук отняла?

* * *

Гремел, сотрясая свод. Там звезд не найти следов;
Любимая, ты ушла, цветы унесла с лугов.
Письмо напишу, сквозь слезы множество ножных слов:
—Где-б ни была—будь здорова! Милого помни кров.

*) Яр—возлюбленная, возлюбленный,

* * *

Взгляните на отблеск милой, на зелень ее весны.
Как скромненький наряд! застежки и петельки зеленые;
Задумала—вышла в сад; ручья берега зеленые;
Смотрите, в цветах деревьев, а листья все зеленые.

* * *

Я вырастил сад; дышал над каждым его кустом.
Созрел он, и вот—отняли! И слезы я лью о нем;—
Исчез птенец куропатки, постыл ей гор окайм...
Я слышал, силос сплела ты—раскинь на пути моем!

* * *

Любовью палимо, сердце осенним листком дрожит;
Весны дождевая капля—слеза по лицу бежит;
В твоей лишь груди спасенье, лишен я своей души...
Грудь свыкла с твоею, — с кем быть ей, сама скажи!

* * *

Внимай мне: я восхваляю ту, что тебя родила;—
Но разве мать приказала, чтоб краса твоя землю жгла?
Пускай небесный огонь старуху спалит до тла! —
Меня отдалив, чужими быть с тобой обрекла.

* * *

По улице шел, калитку открытой увидел, в дом
Вошел, поздоровался, вкучала яр за столом;
Пред нею высокий кувшин стоял, налитый вином;
—Яр, пей предо мной, чтоб в духе тебе пребывать моем.

* * *

О, мой цветок миндаля! Как расцвел, миндалем ты стал!
Рот—это финики, тонок губ нежных твоих овал;
Выпей вино с ладони, чтоб „во здравие“ я сказал,
В каплях вина ароматного губы чтоб целовал!

* * *

О, мрачный и тяжкий год! не родиться-б, в мир не глядеть!
Душой исхожу, рожденный вовек любовью владеть;
Кричу: „Лишаюсь души!“ и слышу: „Что в том—умереть?!“
Кто слышал страшной ответ?—к ребенку ты кличешь смерть!

* * *

Я был из породы пернатых, что корм не клюет с земли;
Летал в небесах, да крылья—в силок любви привели;
Силок трепетал над морем, никто не шепнул: внемли...
Попалась вольная пташка; предатели—крылья мои.

* * *

По улочке шел твоей, вдруг—голос, небесный дар;
Я глянул назад—стоит в прозрачной одежде яр;
Фатюю покрыта чуть, и виден ланит пожар,
Сурьма вокруг черных очей;—что ей до законных кар!

* * *

О, мой цветок нунуфар! Водной глади не возмутишь;
Тянешься в ней, от любви ты словно ива дрожишь;
Что-ж, приду, отведу ту воду, обсохнешь лишь—
Влагою глаз моих окроплю, и вновь заблестишь.

* * *

Яр из дому плавно вышла, как судно в простор морей;
В зеленом красивом платье, и шапочки блеск на ней;
Дыхавия аромат—муската в амбре нежней:
Лицо—что атлас, из франкских выбранный кораблей.

* * *

Не раз говорил:—негоже в одежде ходить простой!
Оденься в шелка, что вытканы ниткою золотой;
Приди, пройдишь предо мной походкой своей живой,—
Мне явишься краше ивы, повитой пьяной лозой.

* * *

Румяный и белый лик, довольно мне сердце жечь!
То скроешься, яр, во мгле, завьет тебя дикий смерч;
То пряжку вдруг отстегнешь, и грудь обнажишь, до плеч...
Так сводишь меня с ума! Судный да встретишь меч!

* * *

В зеленом и красном ты,— зерно граната на вид;
Когда стоишь у дверей, мне мир красоты открыт.
В дверях постоишь, гляжу—улыбка вдруг набежит;
Движенье бровей и глаз—всю душу мне полонит.

* * *

Красивая! Лучшим плодом и райский сад не владел!
Коснулась травы—тростник сахарный зашумел!
Под дугами черных бровей—блеск наведенных стрел!
Я—странник; дай бодрость мне—стану с тобою смел!

* * *

Я долго в ту ночь пряла, скрутила я два мотка.
Мне вспомнился нежный яр, и с прялки сползла рука.
С кувшином вина пошла на свет его огонька:
—Мой ласковый, дверь открой! Я стыну. Кругом снега!“

* * *

Охотился утром сокол, но пурпурный шнур мешал;
Приметил взор куропатку: перьев отлив сверкал;
Сказала так куропатка: Ночью бы ты напал,
Не днем! не дневная дичь я! Этого-ль ты не знал?

* * *

„Я точно камень крепка—травиночка не взрастет;
Как облако высока,—кто всплыл до моих высот?
Кто к луку из тростника канат тетивой возьмет
И будет смелым стрелок—любви моей достигнет!“

* * *

В весеннее это утро донесся лепет цыпцов,
О, милые; голос ваш отраднее всех голосов!
Есть—названный соловьем, любви льет журчанье слов.
Его я услышал... и слез глаза полны до краев...

* * *

Твой рот—гранат и миндаля, о, реан, миндальный цветок!
Подобной тебе не ведал вселенной нашей порог!
Рождают жажду уста твои, словно лимона сок;
А голос соловий твой—весны славословьем высок.

RD 10584

* * *

О, маленьким тем шамамом* груди твоей обладать!
Грудь дышит твоя, как море, а морю—и жар смирять!
Я чайкой желал бы стать, чтоб в море твоём нырять,
И выйдя из волн его, в тени бровей отдыхать.

* * *

Тоской по тебе томим, шел, желаний гоню наплыв;
Вдруг, вышла ты мне навстречу, неожиданностью поразив;
Пред жаждущим ключ пробился, студёный поток разлив;
Губами припал я, жажду сердца тем утолив.

* * *

Свет давней, первой любви! Благо жизни, и солнце ты!
Любимая с детства, сгладь коварства с себя черты.
Пойду, в траур гор оденусь, в облако темноты.
Да будешь—как я, познаешь черной судьбы пласты!

* * *

Две девушки любви мне, но кого назвать дорогой?
Та—вся подобна луне, эта—солнца лик огневой.
Луна, не люблю тебя, изменяешь ты облик свой;
Солнце, тебя люблю, ты восходишь, даря зарей!

* * *

Черноокая! Бровь черна! Румянец твоих ланит!
Белоснежное что таишь—то перси, их блеск укрыт.
Умрешь, в мир иной уйдешь, что грудь твою сохранит?
Червям уготован пир! Пусть ныне меня пленит!

* Шамам—круглая ароматная дынька.

* * *

В рыданьи и ночь, и день, услышит-ли милая стон?
Безмерны рыданья, кровью я глаз своих обагрел.
Покинула: От любимой будет-ли знак принесен?—
Знай, отлетевшую душу вновь возвратит мне он!

* * *

Вы, горы, и вы, ущелья, внемлите, любимой нет!
Вы, камень, пенек, таите-ль милой поступи след?
Вы, плиты мостов, прошла ли она, о, дайте ответ!
Оставив меня в свиденьях, встала, ушла, чуть-свет.

* * *

Подобно Адаму, в рай войти бы и плод вкусить,
На лоно прилечь твое и сном себя усыпить;
Хочу опьянеть—вина твоей красоты испить;
Коль с дьяволом в торг вступаю—готов и дух уступить!

* * *

Люю кровь из глаз—родников! Меж каменных глыб сидишь,
Подобна птице ночной, не бодрствуешь и не спишь;
Изловят тебя, страшусь! Красною не осветишь.—
Как стану жить без тебя? Покоя и сна лишишь!

* * *

Любить бы твой светлый лик, — с ним спорить луне невмочь,
Губ ярких брать поцелуй,—пред ними и сахар желчь.
Тугая грудь—как волна, глаза—как черная ночь.
Рот—алая роза в росе! Мне жажды не превозмочь.

* * *

Красавице, полной жизни, раненный, вздохи слал,—
До неба, звать, поднялись... Снег хлопьями наземь пал;
Чтоб летом валился снег на юношу—кто видал?!
Не знаю, один ли я, иль это каждый познал.

* * *

Огнем обведу глаза, чтоб пламенем взор палил,
Ножом отсеку язык, чтоб слова не проронил,
Нож в сердце вонжу—в крови чтоб вздрагивало без сил...
—Коль ждать нестерпимеж, к чему о власти любви молил?!

* * *

О, месяц ты мой высокий! Что бродишь во тьме ночей?
В оконца глядишь на спящих красавиц земли моей;—
Растегнута прорезь платьев; лучи коснулись грудей
И, ввысь отраженным светом,—залит блеск звездных огней!

* * *

Нет! ради творца! Идешь—пусть дрожи не знает бровь!
Сверканье кинжалов-глаз кому не открыло кровь?!
Тебя заклинаю, яр, мне слез удел не готовь!
Дитя пред тобой! Убьешь, коль пламя раскинешь вновь.

* * *

Блажен, кто похитил яр, к себе увел навсегда,
Он, словно, мост перешел, и мост унесла вода,
Снег выпал и путь занес, не видно на нем следа...
Целует ее лицо—днем!—в рощице, у пруда.

* * *

Он в сад влетел, соловей; над розой сел средь ветвей,
Раскрыл он свой добрый клюв и пел до рассвета ей,
И роза, в притворном сне, узнала—кто перед ней,
Зеленый наряд сорвав, одела алый скорей.

* * *

Узнал соловей, что роза мертва... О, как он любил!
Послушен любви, одежду на темную он сменил,
Но, вскоре пришли, сказали:—жива. О, как счастлив был!
Вмиг темное разорвал он и красным себя покрыл.

* * *

Есть дерево—с мандарином, с лимоном—взамен него;
Дан дереву плод. Коли ива—бесплодная, что с того?
Иные молчат о милой. Умолкни и ты. Что с того?
И смерть настает... И коли убьет любовь, что с того?

* * *

Иду я и вижу—яр, одна, на ковре сидит;
Я милой: „люблю тебя“. Нахмурилась, говорит:
—Удалый! язык любви да будет от ближних скрыт,
Не то головы не снести,—он жизни тебя лишит!

* * *

Скажи, почему бледна? Лик цвета лишился твой,
Не умерло ведь дитя, и в край не ушло иной;
Гляди, ведь не плачу я, сраженный потерей злой!—
Я духа души лишен, оставлен своей душой!

* * *

Ах, грудь твоя—белый храм, а перси—огни лампад;
Пойти—возжигать огни в том храме я был бы рад!
— Эй, отрок, уйди, тебя достойнее есть стократ;
Уйдешь для игры, и храм останется тьмой объят.

* * *

С тех пор, как мать родила, священника не знал,
Где только видел его—сторонкой путь огибал;
Красавицу где встречал—объятия раскрывал.
Алтарь мой—женская грудь, с мольбою к ней припадал.

* * *

Недуг мой—любовь к тебе! Ты яблоч нарви, приди,
Ко мне в изголовье сядь, по сердцу рукой води,
Ты знаешь—чем исцелить, других врачей не найти;
Больное—лечи, а нет—излей любовь из груди!

* * *

Я улочкой шел: кривилась домиков там родня;
Яр ветретила, поклонилась, вдруг увидев меня;
Обнял, целовал в глаза,—светились, печаль тая;
Шла, плакала: „Осрамилась я среди бела дня“.

* * *

Я встал спозаранку, чтобы милой отнесть привет;
И милая вышла из сада, лик ее—роз букет;
Так, девственной розы утром солнца коснется свет,—
Зеленое платье скинет, алый распустит цвет.

* * *

Велело сердце устам отдать поцелуй скорей!
Свежее плод не рожден землею в кругу морей,—
Подобен тому, что взял Адам от жены своей;
Он рая лишен, а я—в тоске по груди твоей!

* * *

Сторонкой твоею шел, белье заметил взор;
Сорочка среди белья там вывешена во двор,
Расшита цветами грудь, блестит рукавов узор...
Но я возжаждал тебя! На выкуп коплю с тех пор...

* * *

Крылатая! Лоно—сад! О, ночи в твоих очах!
Быть может, владелец есть? Войти бы... но этот страх...
— Эй, смело войди! Пусть дом завистника рухнет в прах,
Ослепнут глаза, хула сгорит на злых языках!

* * *

Продлись, если можешь, ночь! Стань годом на этот раз!—
Яр в гости ко мне пришла! Стань тысячью лет для нас!
Заря, отдались! Игру тревожишь в недобрый час;
С любимую разлучишь! Пусть света не видит глаз!

* * *

В синем платье так хороша, так сияет прелесть лица!
Так бела открытая грудь, что горят мужские сердца.
Скинь же синее платье, скинь,—умоляю о том творца,
Чтонибудь темнее одень, чтоб меня не сжечь до конца!

* * *

В начале любовь обитель в сердце моем нашла;
Покинула сердце, вдаль—по странам земным пошла;
Вернулась, проникла в мозг, владычицей став чела,
Хотелось ей слез моих, но кровь из глаз потекла.

* * *

Я шел, укусила вдруг собака желанной яр.
Та вышла к воротам:—Прочь, не трогай его, Муртар!
Ведь столь он несчастен! Наш его опаляет жар,
А грудь пронзена ножом, и это единый дар!

* * *

Спокойно я спал. Но сердце внезапный огонь обьял,
„Любимая позабыла“—как будто бы кто сказал;
О, дети, при вести той я речи дар потерял.
Найдите же мне лекарство, чтоб мертвым я не упал!

* * *

Я видел полет любви: был в небе натянут лук;
Безвинным стоял,—вонзилось мне в сердце, свершая круг.
Клянусь: поражен стрелой, не вынести этих мук;
Скорей, поищите зелья, чтоб мертвым не пал я вдруг!

* * *

Румяный и белый лик! Сердце кровью может истечь.
То хмуришься, словно тучка, то взглянешь, чтобы обжечь,—
Пламя обжечь! В сети хочешь меня завлечь.
Лукавство свое отбрось, приди на грудь мне прилечь!

* * *

Глаза мои возроптали, сердцу свой кинув свет:
Красавиц нежная ласка несет нам тысячу бед...
А сердце в ответ:—Неправды в жалобе вашей нет,—
Коль глаз от красы не слепнет, не надо над ней побед.

* * *

Ты хвалишься, месяц, тем, что смертным сиянье льешь;
Но вот, я с луной земной вкушаю объятий дрожь;
Лишь с пленной откину плащ—ты ль вымолвишь: „Это ложь?“
Полюбишь, страшусь! Лучей, чтоб нам светить, не найдешь!

* * *

„Ручных куропаток нет“— невежда так говорит!
Одну я видел вчера... Блажен, кто ее хранит!
Не брови—двух крыл полет, и сахар во рту блеснит;
Коль мертвого ей обнять—объятием оживит!

* * *

Течешь ты, ручей, журча, на свой исток не глядишь;
По склонам, по долам скрыт; и слышится голос лишь;
Я знаю, знаю, зачем ты на чужбину спешишь...
Ты ищешь любовь свою, и ноченьки ты не спишь.

* * *

Черны и глаза и бровь, а кудри—в душе моей.
Коль ночью ко мне не придешь, молю тебя, онемей!
А коли придешь, лицо приближу к лицу скорей,
Коснутся они! Дыханье—с моим восдино слей!

* * *

Журчаньем разбужен был. Луч первый не начал жечь.
То—ветренницы голосок, чья в мире так льется речь?!
Влюбленным, ему и ей хотелось вдвоем прилечь,
Нежней целовать! а страсть до ночи другой сберечь.

* * *

Кто там на кровле моей? Над ертиком* не шути,
Когда ты моя—спустишь, чужая— не здесь цвести!
—„Не твой цветок, чтоб сойти, не знать и к другим пути,
Взяла я уж твою любовь! Не скрывается и не войти!“

* * *

Зеница моей души! Уйдешь—и потухнет взгляд.
Так, рыбу воды лиши—и мертвый нахлынет хлад;
Но вновь окуни ее и струи вод оживят...
Коль нас разлучат с тобой, не смертью ли буду взят?!

* * *

На кровле спишь земляной, и звезд зажигаешь рой;
Пусти и меня с собой, а нет—отпусти домой!
—Тебе не уснуть со мной, и в дом не уйти родной,
Так в трепете жди, пока не вспыхнут лучи с зарей.

* * *

Ты—перстень чеканный, я—что камень на нем простой;
Ты—травка у родника, блесну я тебе росой;
Ты—яблони плод, а я листочек зеленый твой;
Страшуся, тебя сорвут, увяну порою той.

* Ертик—отверстие для света.

* * *

Когда, от любви, умру, ты волосы острижешь,
Лучину скорей зажжешь и холмик искать пойдешь;
Не знаешь его, но лишь коснешься—слезу прольешь,
И камешку надо мной отдашь поцелуя дрожь.

* * *

На яблоко глянь, в ветвях, прикрытое чуть листком,
Как перси желанной яр, скрывающей грудь платком,
Шар солнца сошел в реку; с кувшином луна шажком
Прошла колыхаясь,—грудь и впрямь налилась плодом!

* * *

Как блекнет миндальный цвет! Ты стала миндаля... Бледна.
Твой мал и приятен рот, в нем амбра и вкус вина.
В слезах родилась, родных весельем окружена
Умрешь—пусть рыдают все, с улыбкою будь ты одна.

* * *

Когда-б, дорогая, ты открыла лоно тайник!
Не лоно явила б—сад! И я бы в него проник,—
Клянусь, я бы клятву дал: „Не трону я твой цветник!“
Не вывел бы дьявол сам, явивши свой марзкий лик!

* * *

Где осень? Пришла весна, скорее покинем дом!
Как пить хорошо в саду! Под ветви дерев пойдем!
Соловушка розы ждет, пьян, словно юнец—вином,
На ветке сидит, поет, строфу за строфой, псалом.

* * *

Я должен быть вещим! Взял бы Феникса мудрость я!
Как знать мне, в объятиях чьих поконится яр моя?
Того, в чьих объятиях яр, пускай ужалит змея!
Пускай лицемерья дев лишится он, ночь кляня!

* * *

Любовь ты моя, о, благо! Всем сердцем тебя желал!
Всей тысячью глаз и губ я с детства тебя избрал!
Тебе-ль не достало роз? Я-ль краше тебя искал?
Нет, в сердце лишь ты одна! Второй на земле не знал.

* * *

Ошибся я,—полюбил детеныша злой змеи!
Доверчиво подошел к открытым дверям змеи,—
Так встретила мать змеи, что слезы лились мои;
Я их заслужил давно, возлюбленным став змеи!

* * *

Покину эти края, ни в чьи не войду города,
Не в Рим я, дальше пойду, возврата нет никогда.
В той страшной дали найдут—вновь скроюсь, и без следа;
Когда-б в оковах нашли—порву, уйду навсегда!

* * *

Довольно, яр! Не любви—томленье душа дана.
Уйдем, нам здесь не житье, недобрая сторона!
Есть край, где не будет жизнь упреков, страха полна;
Что ждет впереди? Молчит и в дрожь бросает она.

* * *

Вчера, словно вьюк, везли девицу, в полдневный зной;
Чем: силою увели? Приманкою золотой?
Когда за деньги любовь—в стихии сжечь огневой!
За яблоко быть любви, да за леденец простой!

* * *

Блаженство в том, чтоб любовь как нечто новое знать
Обоим! А до дверей чтоб было—рукой подать.
С рассветом выходит он желанной благ пожелать,
Обнять ее и, как встарь, вновь жалобу прошептать.

* * *

Румяный и белый лик! Яр, хочешь мне сердце сжечь!
Сидишь ли ты с кем в кругу—бровями мне молвишь речь;
Застежку ли расстегнешь и грудь обнажишь, до плеч...
Боюся, встанешь, уйдешь... На грудь-бы к тебе прилечь!

* * *

На землю цветы зари уже уронил восток;
Объятая покинув, яр взор кинула на порог;
Я руки скорей простер, но яр удержать не смог;
—Уйду, не останусь, нет!—жестоким дала зарок.

* * *

Я мир обошел, нет мест, не знавших ноги моей,
Сказал: повстречаю яр, не ведавшую страстей;
Пришел, полюбил, узнал: другой целовался с ней...
Что толку о том судить! Объятый нет тяжелей!

* * *

Лишь только пришла весна—я розу нашел в цвету,
Желаньям еще не вял—отняли и розу ту;
Знать, прокляла мать меня, и гонят все сироту...
Что вписано в свиток мой? Все взято! Что обрету?

* * *

Покинула яр меня, о, сколько поникло роз!
Не знаю, зачем ушла! Иль мало любви принес?
Вздыхаю,— и письмецо за нею вслед понеслось;
И писал поцелуй я, кайма—из тоски и слез...

* * *

Я душу моей души увидел. Наряден стан.
Шла в церковь. Навстречу—я: „Куда ты? Твой храм поган!
Позволь мне взамен тебя отправиться в церковь, джан!
Моления свершать начну, твой вымолю стройный стан,
Не с книгой господней, нет, чтоб с грудью я был слиян!
Чтоб лоно познать твое, приму я духовный сан,
И азбуку затвержу; „в объятия примешь, джан“!:

* * *

Сторонкой иду твоей, стоишь у своих дверей,
Лик лунный—мир красоты, а вся—словно солнце ты;
Лишь только шагнешь—мгновенно лучи прольешь;
Лишь скроешься в домик свой—всех смертных накажешь тьмой;
До утра здесь просижу, к дверям подойду, скажу:
„Иди дружка повидать! Не горе нам горевать!“
Глаза целовать, виски! Не знать по бровям тоски!

* * *

Негаданно полюбил, не стал причинять забот,
Желал, чтоб тебе одной шар солнца дарил восход!
Пришел к роднику, твоих чистейших коснуться вод...

Теперь от реки иду,—но грусть по тебе гнетет.
Узнаешь-ли, как тебя я жаждал за годом год!
Уж вету на мне лица, а к этому стыд ведет:
Не те проронил слова,—причина моих невзгод!
О нет, не жалей! Любовь ли разум мне сбережет?

* * *

Мне б ласточкой быть, птенцом! Проник бы в твой дом родной
Скрывал бы мое гнездо чердак над твоей стеной!
Сошел бы, к твоей груди припал бы я в час ночной,
И снова в свое гнездо поднялся бы я, с зарей.
В объятья бы взял! Зачем не пояс я твой тугой!
Гранатовым быть вином! Влила бы в кувшини простой,
Прильнули б уста ко мне, я рот целовал бы твой!
Быть шелковой пленой! Облечь бы стан молодой!

* * *

Яр, я написал, послал, прими, перечти ту весть—
Объятья там, меж них мой поделуй есть!
О, снова любима ты и сердцу даруешь честь!
Любовь унесет тебя,—дай нитям любви оплесть
То лоно, что светит мне,—подобного не обрести!
О, разве любви такой случалось на свете цвель?
Яр, я написал, послал, прими, перечти ту весть,
Водила любовь пером. Разлуки с тобой не снести!

* * *

О, сколько я песен пел! Быть крепче скал поучал.
Камней драгоценных взял, и к небу я столп возвел,
Поднялся, на нем воссел, и к господу возывал:
Взгляни, ты увидишь дол, где много вершится зол!
Я в десять лет полюбил! Я словно свеча горел;
Не кости имел—фитиль, а пламень—из сердца взвил!

* * *

Я ночью не спал, не мог усталых сомкнуть очей;
Ты, месяц, лучи сплетал над домиком яр моей.
О, месяц высокий! Яр привет отнеси скорей,
—Высокая там стена, и дерево у дверей;
Из чаши пьет голубой, роняя в поток теней
Звучанье армянских слов: „любовь и вино испей...“

* * *

Отдай мне любовь, молю, ведь в сердце моем полывь!
Иль, ждешь ты,—минует вихрь? Бесстрастной—тоска пустынь!
Не кровью-ль стала любовь? Разлейся же и не стынь!
Свой образ дала душе—прекрасней всех благостынь!
Знай нож обнажу, и кровь услышит веленье: „Хлынь!“
Но только не волси я душе повелеть: „Покивь!“

* * *

Шел полем своим домой, вкушало сердце покой;
Вдруг яр повстречалась мне,—о, солнца лик огневой!
Я замер пред ней: скорей, я рот поцелую твой!
Она отвечала так: Терпи до поры ночной,—
К вечерне пойдет отец, мать в дом поспешит чужой,
Придешь, я на грудь возьму, прогонит лишь свет денной.

* * *

Я видел, сидела яр—как тысяча лун светла,
Горела—как солища жар, в мерцаньи—звездой была;
Ступни погрузила в пруд, с ладоней вода текла...
Не ягода-ль то легла на блюдечко из стекла!?

* * *

Всю ночь среди цветов я спал, на лоне горы крутой,
И чудилось, яр пила вино над моей головой;

Снял шапку, сквозь сон, и вдруг яр чайкою уплыла.
Я крылья обрел орла, достиг я гряды морской—
Лишь моря, а не любви!.. О, тысяча зол со мной!

* * *

О, тонкий стан! Мне бы знать владельца красы твсей!
Продаст он тебя, когда явлюсь я, как богатей!
За горсти дукатов взять?—Не знаешь цены своей!
Ведь—родинки на щеке, три родинки есть на ней!
За каждую—бриллиант! Грудь—на поцелуй ценней!

* * *

Средь ночи, чтоб яр сыскать, я из дому вышел вон;
А дьявол навстречу шел, я видел-мигнул мне он;
Эй, дьявол, глупец, дитя тебе не вовлечь в полон!
Пойдем, укажу, кто должен быть тобой унесен—
—На чаше рука ее; и с ней я пить не волен.

* * *

—Со мной ты была—травинка, рососою окроплена.
Ушла и остался иней, снегов на нем пелена.
Поймешь-ль? О, если будешь мне снова возвращена,
Сиянье приму, как солнце над радугой, и она
Над тающим снегом встанет,—то можешь лишь ты одна!

* * *

Я душу моей души узнал, из купальни шла,
Нарядна, свежа; в тупик та улочка нас ввела;
Фату приподняла чуть, бровями чуть повела:
—Жду ночью, нам до зари лобзаний не счесть числа,
В объятиях сожму, чтоб грусть от сердца вмиг отлегла!

* * *

Вываю к морям, хочу чтоб стали полны чернил.
Все, все тростники болот на перья-б я обточил;
Монах и ученый, все, кто только пером водил,
Пусть пишут...—но кто прочтет? „Он грустью сердечной жил!“

* * *

Мать сыну проклятье шлет: да будешь в краю чужом!
Удел чужестранца, сын, да будет тебе знаком!
На камень склонив главу, будешь ты спать на нем!
А встанешь,—отвержен, гол,—да будешь храним творцом!

* * *

Вываю к небу: Господь, добрей к чужестранцам будь!
Родная—в чужом краю. Мне пламя сжигает грудь.
Ей муки близки мои... Иль сможешь ее вернуть?
Друг к другу тесней прильнем, чтоб грудью одной вздохнуть!

* * *

Нет жалостнее того, кто бедностью вдруг сражен!
Где братья, отец и мать?—Идет на чужбину он;
Любимую встретит—лик закроет плащом, смущен.
Чем гордый отдарить—ствол, коль сохнет, листья лишел!?

* * *

В залог оставляю яр, пусть в розе она живет;
Коль скоро вернусь—цветок владельцу ее вернет;
Уму—тот помянет пусть, кто розу себе сорвет.

* * *

Зачем отдалилась, мучишь! Ты пленника пожалей;
Тайком проливаю слезы, боюся: лишусь очей.
Я слышал, имеешь розу, дай друга утешить ей,
Пришли! Лишь ресниц коснется—нет слез и тоски моей.

* * *

Любимую видел, будто блуждала в пыли дорог;
Шла маленькими шажками, сорвав нунуфар-цветок,
К очам поднесет, поникнет,—слез побежит поток.
О, знаю ослепнет недруг, что вырыть разлуку смог!

* * *

Лью слезы в чужой стране... Забуду-ль когда пибудь!?
Я долго здесь прожил; вновь продолжу свой скорбный путь,
Бог знает, каким путем пойду, чтоб вольней вздохнуть;
Кто даст утешенье, к чьей могиле прижму я грудь?
Весь день я—стрела, гляжу, куда захотят метнуть,
А ночью я—лук, спешу, ослаблен, к земле прильнуть.

* * *

Мученья пройдя, душа прах тела в земле кляла;
Ответило тело, речь сквозь землю к душе дошла:
—Грешили и ты и я, вина обоих была;
Я было землей и есмь; тебя-ж мечта извела...

* * *

Что молваю, тому внемли. умом обойми, пойми,
Как серьги в ушах носи, как ценный рубин прими:
—Коль странствуешь ты, не спорь с чужими тебе людьми;
Метнули в тебя стрелу—ты лук под полой сожми.

* * *

Сойдешься ли с кем — держись как друга в пути своем;
Четыре стихии вещь крепят, коли их сольем;
Коль настежь все пять дверей, держи их, — качнется дом!
Так плавит моя душа премудрость, как воск — огнем.

* * *

Итти с негодяем в путь — дороги трудней не знать!
А коли невежда он — что сможет в пути познать?
Товарищем будь тому, кто хочет тебе внимать.
В невзгодах поймешь: его и другом ты мог назвать.

* * *

Подавлен стеной грехов, затрясся и зарыдал;
И некого мне винить, — кто ж грех творить научал?
Но волею сердца лишь влекомый, в соблазны впал;
Один на закон восстав, преграды его прорвал!

* * *

Брат! Сердце в крови! — делюсь, впервые главу клоня...
Я с детства к познанию шел, томленье в груди храня;
И вот я попался в плен; кому выручать меня?
Тружусь, как простой батрак, смертельна рана моя.

* * *

Коль хочешь ты брань сдержать — за сердце возмись рукой;
Ни с хлебом, брань, ни с вином во двор не вернется твой!
Добра не приносит брань, приносит грехи с собой;
Бранился дьявол — и вот, посев пожинает злой.

* * *

Дверь явная в сердце есть, но есть и тайный порог.
Я тайную распахнул—и злата нашел кусок.
Того, что в моих руках—и мастер плавить не мог,
Звенит самородок мой, его не ковал молоток.

* * *

Есть истина, пред которой—ничто и алмаз любой;
Знай: тело—корабль, а разум—что море; не будь волной!
И мысль, как бессонный кормчий хранитель всегдашний твой:
Коль сможешь на берег выйти—да славится подвиг твой!

* * *

Ушедшему на чужбину надобен ум большой.
Всех ниже держаться должен, чтоб не дружить с пуждой.
На дерево глян, благое качество в нем открой:
Та ветвь, что плодом богата—клонится пред пустой!

* * *

О дружбе двоих скажу: земли и души моей;
Стремится все вверх душа, но тяга земли сильней.
Быть верным земле боюсь: ливуся души огней,
И страшно парить с душой средь горних ее полей.

* * *

Достоин похвал, понявший слова простой закон.
Он речью дарит, и мнится—в дом самоцвет внесен.
С огнем и водой, и ветром землю во мгле времен
Творец создавал—и мерой был атом любой сочтен.

Идите на берег моря! Рыбку заманим в сеть,
Пойдем пировать, для рыбки будет костер гореть!
...Та рыбка вину сказала: крови не литься впредь;
Коль жизни лишат—иссохнут реки, моря и твердь.

То, что с собой я сделал, повторят-ли хоть один.
Швырнул, по земле рассыпал я золота свой кувшин;
Загнал скакунов, но разве желанных достиг доли?
К чему запоздалый разум? Былых не вернуть годин!

Дай дереву и листе в согласьи жить и цвести.
Когда же в недуге ствол, листва не может расти.
Тебе такую беду, дитя, не легко снести.
Дереву листья даст господь, но листу дерев не найти.

По улице я проходил, глядь—череп лежит сухой;
Я стукнул по нем ногой, а череп с усмешкой злой
Сказал, откатившись:—Эй, уйди, удалец, долой!
Был схож я вчера с тобой, а нынче—гляди, какой!

Ввек не заставишь льва львиное мясо съесть!
Коль он лев, хранить львиную будет честь.
Дерево не сойдет с места—где стало цвести,
Но рукоятку срежь—ствол топору разнести!

* * *
В звуки армянских слов вслушайся, и пойми!
Горечи в рот набрав, слушай, уста сожми;
Словно серьгу продень, словно дукат прими:
—Слышит последним тот, кто говорит с людьми!

* * *
Мир—это луг, и нас—птенцов здесь перепелка пасет.
Сверстников наших дьявол вверх поодиночке несет.
Братья, когда идти за стол, каждый пусть друга зовет;
Умрем, в мир иной уйдем... так, сядем без князя высот!

* * *
Робкую куропатку сокол с орлом нашли,
Между камней укрили: жребий кидать пошли,
Дичь забрала лисица, скрылася с ней вдали;
Сокол с орлом крылами только след замели...

* * *
Господи, днесь и присно от клеветы укрой!
Зла клеветы страшатся, даже свершив разбой!
Лев и в цепях владыка твари лесной, степной...
Горный орел взмывает, дом увидав жилой...

* * *
В мир я пришел напрасно: истинной нет любви.
Но подсказал мне разум:—руки люби свои!
Что-ж? Коль в работе руки—в дружном кругу живи...
А изнемог—родные братья уйдут твои!

* * *

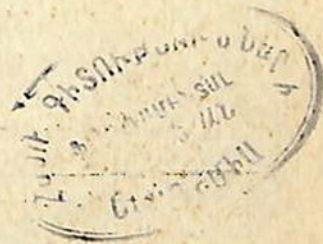
Нет, и в лесу дремучем сокол с совой не схож!
А бриллианту в море—быть бриллиантом все-ж!
Рядышком с мудрым—исуч. Глянь, на кого похож!
—Подле слепца сиянье ты понапрасну льешь!

* * *

Внемли поученью, пусть твоей разум его хранит!
—С невеждой не спорь, другим пусть блага свои сулит,
Кого ни коснется он, как пламя— испепелит.
Где мудрости бьет родник, там травы земля родит.

* * *

Смертный! Два свойства свои назови,
Достойны они печали и слез:
Одно--стать властелином любви,
Другое--коль дьявол тебя увес.

ВФ 9738 .Заказ. 802. Тираж 4000. Печ. 2½ листа.
Подписано к печати 24/X—1941 г.

Типография Армгиза, Ереван, ул. Ленина 65.

ԳԱԱ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0502059

PD ^I 405 84

506